

УДК 908(292.471):ПОПОВ

DOI: 10.29039/2413-1741-2024-10-4-93-123

**«РАБОТАЮ, СКОЛЬКО МОГУ»:
К БИОГРАФИИ ПРОФЕССОРА С. П. ПОПОВА**

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru*

Статья продолжает размещенное в предыдущем номере журнала исследование биографии, научной и организационно-педагогической деятельности воспитанника, соратника и друга академика В. И. Вернадского – крупного минералога, геохимика, профессора Сергея Платоновича Попова (1872–1964). Рассмотрен период его жизни в 30-е годы, военное и послевоенное время. Анализ переписки С. П. Попова с академиком В. И. Вернадским позволил выявить линии интеллектуальной напряженности «провинция – центр» и показать широкий круг общения профессора С. П. Попова. В научный оборот вводятся корпуса документов Государственного архива Российской Федерации, Архива Российской академии наук, Государственного архива Республики Крым, Института археологии Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, позволившие раскрыть неизвестные сюжеты о работе геолога в Симферополе. Показаны попытки ученого выехать из Крыма в связи с угрозой увольнения в различные академические центры, которые закончились переездом Попова в Воронеж. Деятельность ученого показана на фоне проходивших в стране и в ее отдельном регионе социально-экономических преобразований.

Ключевые слова: С. П. Попов, В. И. Вернадский, Крымский гос. педагогический институт им. М. В. Фрунзе, Воронежский государственный университет.

В предыдущей статье мы рассмотрели становление Сергея Платоновича Попова как ученого-геолога в 20-е годы XX столетия и его бурную научную и административную деятельность в стенах местного университета (с 1925 г. – педагогического института) и в иных научных учреждениях Крымской АССР [1]. Тяжелый период в жизни крымских научных работников наступил в конце 20-х годов. 28 апреля 1929 года Совет Народных Комиссаров РСФСР издал постановление, которым передал Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе, а соответственно и являвшиеся его подразделениями Крымский научно-исследовательский институт и Крымский рабфак имени И. Н. Назукина в ведение Наркомпроса Крымской АССР. За Наркомпросом РСФСР оставались лишь контролирующие функции над этими учреждениями. Принятое решение стало своеобразным откликом на решения XVI Конференцию ВКП(б) о переходе СССР к плановым механизмам развития экономики и социалистической модернизации народного хозяйства [2]. Перевод на республиканский уровень финансирования должен был способствовать мобилизации дополнительных средств из регионального бюджета, стимулировать поиск зарабатывания денег самими институтами.

Заметим, что в период с 1925 по 1929 годы бюджет КрымНИИ, руководимого С. П. Поповым, несмотря на все его потуги получить финансирование от Комиссии по изучению производительных сил, был более чем скромным и составлял в 1929 году всего 25640 рублей. Причем на текущие расходы по научной части уходило в год 3 тысяч рублей. Это означало – только 25 рублей в месяц на каждую кафедру. При столь зыбком материальной положении большинство инициатив крымских ученых оставались нереализованными. Перевод Института под контроль Наркомпроса Крымской АССР позволил Совнаркому автономии привлечь дополнительное финансирование от Центрального совета народного хозяйства Крыма, Крымнаркомзема, местных кооперативов и объединений общесоюзных курортов Южного берега Крыма, Евпатории и Сак [3, с. 6–7].

Завершающий год первой пятилетки и разработка показателей второго пятилетнего плана продемонстрировали необходимость оптимизации статей расходной части бюджета Крымской АССР. Это относилось и к деятельности научно-исследовательских организаций, которые решено было оптимизировать путем ликвидации структурных подразделений, дублирующих функции друг друга, устранив все имеющиеся параллелизмы. С. П. Попова все эти нововведения касались непосредственно. С поста директора он ушел в 1930 году. Ученый не хотел

Сергей Платонович Попов

слыть организатором массового сокращения должностей и быть источником личных человеческих трагедий. Вместе с тем, работа в Крымском научно-исследовательском институте составляла значительную часть его научного потенциала и материального обеспечения. Сергей Платонович получал время от времени предложения о работе в академических центрах. Так, в 1929 году его приглашали на должность старшего геолога в Геологический комитет. Но он посчитал этот переход неравноценным его научному статусу в Симферополе. Кроме того, в Ленинграде предоставляли лишь комнату в коммуналке.

В КрымНИИ все громче звучали идеи о ликвидации имеющейся секции геологии, химии, почвоведения, а также астрономии и передача их задач сектору геофизики. В планах руководства было присоединить секцию минералогии к сектору геофизики. С 4 июля 1932 года руководство КрымНИИ, опираясь на директивы коллегии

Наркомпроса Крымской АССР, приступило к разработке проекта оптимизации. К осени 1932 года были представлены уточненные варианты изменений структуры научного учреждения и нового штатного расписания. Они предполагали наличие в

КрымНИИ пяти секторов с секциями. Руководил Институтом в период реорганизации крымский экономист Шейх Шейхович Садлаев (1905–1937). Сотрудники Института были разделены на три категории: действительные члены, научные сотрудники I и II разрядов. Сектор геофизики и минералогии возглавил заведующий кафедрой математики Крымского пединститута Евгений Федорович Скворцов. Совместно с ним действительными членами являлись преподаватели пединститута С. П. Попов и П. Т. Данильченко. Р. А. Аллик получил должность научного сотрудника I разряда и руководил атмосферно-оптической станцией, штат которой составляли наблюдатели Тихановская и Острый [4, л. 74–75, 103–104].

Евгений Федорович Скворцов

К концу Первой пятилетки в Симферополе собрали второй съезд по изучению производительных сил Крыма. Полностью подчиненный производственной тематике форум проводился в основном в секционном формате. Так старались повернуть делегатов от общей говорильни к практическому обсуждению конкретных вопросов. Пленарное заседание прошло только в первый вечер работы 1 декабря 1931 года. Съезд открыл член Президиума Госплана Крымской АССР В. Б. Лукьянов с докладом «Мощным прожектором науки и техники осветим природные богатства страны». В этом направлении профессору С. П. Попову было, что предложить для реализации [5; 6].

13 мая 1933 года Сергей Платонович сообщил В. И. Вернадскому:

«Дорогой Владимир Иванович,

давно, давно не писал Вам и не имел от Вас известий. Знаю о Вас только, что Вы в Ленинграде и, кажется, ничего особенно плохого с Вами не случилось. Сам я за это время много болел, старость сказывается жестко. **Работаю, сколько могу** [выделено нами – А. Н.], хотя не могу сказать, чтобы обстоятельства складывались благоприятно для работы. Сейчас печатаю две статьи о Крымских боратах, одну в журнале нашего Иссл[едовательского] И[нститу]та, другую в томе «Крым» издания «Геологии России», предпринятого Союзгеолразведкой. В этом же томе печатаю «Железные руды» и «Кальциты» (Крыма, конечно). Очень доволен, что появятся, наконец, результаты моих работ по железным рудам, отчеты о которых до сих пор мариновались Геол[огическим] комитетом. Принялся теперь за две большие работы сводного характера – «Геохимия Крыма» и «Грязевые вулканы». Очень все тормозит недостаток литературы, которой здесь нет – ездить же в Ленинград не удастся благодаря болезням. И в прошлую, и в эту зиму я собирался совсем поехать и каждый раз заболел, в этом году вторично собрался было в апреле и опять

Павел Трофимович Данильченко

заболел. Как обстоит дело с Вашей статьей о «воде», которую Вы давно уже собирались написать? Вышла ли она? Меня она особенно интересует в отношении вод нефтяных месторождений и грязевых сопок. По Крымско-Кав[казскому] району кое-какие материалы у меня есть, но в отношении Бакинского слабо, а между тем они мне очень нужны были бы. Не дадите ли Вы мне каких-либо указаний в этом направлении? Работа по геохимии Крыма требует средств. Два года тому назад, когда я был в Ленинграде, Геол[огический] комитет давал мне на эту работу 6000 р[ублей], но по моем отъезде работа сорвалась ввиду реформирования Геолкома. После этого мне уже ничего не удалось от них добиться в этом напр[авлении], хотя еще недавно я писал

Черных об этом. Положение мое относительно работы прогрессивно ухудшается постепенным сокращением нашего Вуза. С осени две кафедры химии, одну из к[ото]рых я занимаю, сливаются, т. о., я уже не буду занимать кафедры и, след[овательно], иметь лаборатории. Приходится пожалеть о том, что я два года тому назад не остался в Ленинграде, когда мне предлагали старшего геолога в Г[еологическом] ком[итете], я же не остался из-за отсутствия квартиры. Надо было перетерпеть, как-ниб[удь], с течением времени устроилось бы. Но все это дело прошлое, а теперь опять подыскиваю себе место. Жена моя служит в Гидрометеорол[огическом] комитете, но служба тяжело отзывается на ее слабом (туберкулезном) организме, и она много хворает.

Собираетесь ли [отдыхать] летом и куда? Как поживает Елизавета Дмитриевна [Ревуцкая], я давно об ней ничего не слыхал, служит ли она еще в Академии или нет?

Пока всего лучшего. Наталье Егоровне мой привет. Пишите по домовому адресу. Ваш С. Попов.

13. V. [19]33. Симферополь, Крестьянская, 5» [7, л. 18–18 об.].

Упомянутое в письме реформирование Геологического комитета состоялось в январе 1930 года. Данная научная структура была упразднена, а функция координации и планирования геологоразведочных работ переданы Главному геолого-разведочному управлению в Москве. Научный коллектив геологов в Ленинграде тогда был реорганизован в Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт. Понятно, что названный в письме минералог Виктор Васильевич Черных (1899–1941) – выпускник Петроградского горного института (1924 г.), хранитель Горного музея Петроградского горного института, а с 1925 года ученый секретарь Ленинградского горного института, с 1933 года – заведующий

кафедрой минералогии этого института, ничем не мог помочь симферопольскому коллеге.

Слияния кафедр, про которое с грустью сообщал С. П. Попов, было не избежать. Перевод с осени 1929 года Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе с республиканского финансирования (РСФСР) на местный бюджет (Крымской АССР), понятно, привел к оптимизации вуза. Сокращалось количество отделений, факультетов и кафедр, а, значит, и профессорско-преподавательский состав [8, с. 82–94].

Наталья Егоровна и Владимир Иванович Вернадские. 1930-е годы

25 мая 1933 года С. П. Попов продолжал в диалоге с академиком В. И. Вернадским тему некомфортной для него обстановки в пединституте:

«Дорогой Владимир Иванович,

на днях я получил Ваш новый выпуск «Истории минералов», за который очень благодарен. Я писал Вам в начале мая, кажется, 3-го числа. Как раз обращались с вопросами по поводу нефтяных сопочных вод и некоторыми другими. Получили ли Вы мое письмо? Я заканчиваю сейчас две работы по боратам и меня очень затрудняет отсутствие здесь литературы – особенно касательно кавказских сопоч – насколько распространена в них борная кислота – по-моему, там она лишь для некоторых сопоч, но не составляет общего явления для сопочных вод. В Вашей

работе в этом выпуске пока этих данных тоже нет, подбор же литературы у нас очень плох.

В связи со всякими сокращениями дела мои очень неважны, кажется, я скоро окажусь совсем не у дел. Всего лучшего, пишите. Жаль, если Вы не получили моего письма. Наталье Егоровне привет. Посылаю Вам бандеролью оттиски моих работ за последние годы.

Ваш С. Попов. 25. V. [1933]» [7, л. 17].

Действительно, в Крымском государственном педагогическом институте им. М. В. Фрунзе все шло к полной чистке профессорско-преподавательского от «старых» кадров – грамотных, знающих иностранные языки, имеющих стойкие коммуникации с европейскими специалистами, уважающих себя остепененных преподавателей, которые отказывались проводить партийную линию при чтении своих курсов. В вузе работала специальная комиссия обкома партии, которая стала предвестником факультетских «чистельных» комиссий. В докладе, озвученном проверявшими на бюро Крымского обкома ВКП(б) звучало следующее:

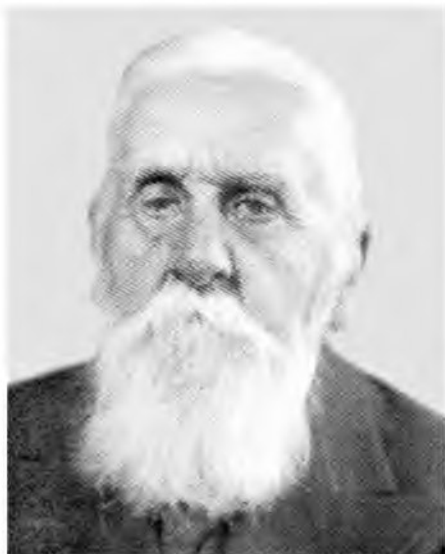
«Пединститут, организованный (в 1925 г.) на базе бывшего Таврического университета, организационно оформился в период господства в Крыму контрреволюционного правительства Сулькевича (1918 г.), сохранил в профессорско-преподавательском составе часть старой реакционной профессуры, имевшей в прошлом значительное влияние на работу Института, которое не изжито еще до настоящего времени. Весь профессорско-преподавательский состав по анализу материалов обследования ориентировочно разбивается на три основные группы: а) реакционная часть, <...> не проявляющая стремления к перестройке, враждебно относящаяся к мероприятиям партии и правительства, ведущая тихой сапой борьбу с мероприятиями по перестройке вуза, стремящаяся подчинить своему влиянию неустойчивые элементы из преподавателей и студенчества. <...> В связи с изменившейся обстановкой в Институте, реакционная часть профессорско-преподавательского состава изменила формы и методы своего сопротивления: ведя борьбу с руководством, она одновременно стремится расширить круг своего влияния и парализовать классовую бдительность у малоустойчивой части профессорско-преподавательского состава, студенчества и отдельных членов партии, стремится показать всеми способами себя обиженной, униженной, гонимой и, обрастая сочувствующими, ведет борьбу против партийного руководства, перестройки работы Института, каденции профессорско-преподавательского состава и вообще против всех мероприятий партии и правительства. <...> В педагогической работе реакционная профессура допускает ряд извращений марксистско-ленинской идеологии и протаскивает идеологически чуждые мировоззрения. <...>

ПОПОВ. Искусственно усложняет читаемый курс химии так, что студенчество его не понимает. Свою исследовательскую работу скрывает от ассистентов и аспирантов, не оказывает помощи в повышении квалификации младшим научным работникам. Открыто возражал против назначения к нему ассистентов татар, требуя замены их русскими. Неоднократные требования внести в программу отражение

методологии диалектического материализма остались невыполненными. От участия в общественной работе кафедры отказывается <...>».

Комиссия призвала принять решение о необходимости жестко отвечать «на вылазки реакционной профессуры», вести борьбу «за чистоту марксистско-ленинской методологии в педагогическом процессе вуза в целом, <...> с имеющими место методологическими и методическими извращениями, <...> с великодержавническими настроениями и с фактами открытого проявления и протаскивания великодержавнического шовинизма, а также с конкретными носителями его» [9, л. 146–150].

В мае 1934 года Крымский обком ВКП(б) принял постановление, где ставилась задача «провести систематические разоблачения извращений и враждебных выступлений преподавателей Крымского пединститута, протаскивающих до самых

Арсений Иванович Маркевич

последних дней чуждую идеологию». Среди таких ученых одной из первых значилась фамилия работавшего в Таврическом университете деканом историко-филологического факультета профессора А. Н. Деревницкого, который решился организовать протест против очередного назначения директором института партноменклатурной кандидатуры. Тогда профессура добилась своего [10, с. 138]. Отзвуки об этих грустных для крымоведения событиях содержат письма лидера крымских краеведов Арсения Ивановича Маркевича к историку Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко (1884–1973), проживавшей в Киеве. 25 июня 1934 года А. И. Маркевич сообщал коллеге: «<...> Настроения у нас здесь в последнее время гадкие из-за отвратительной травли старых профессоров педагогического института Лукьяненка

Александра Митрофановича и Деревницкого. Деревницкий хлопчет об усиленной пенсии и остается на жительство здесь, бросая преподавание. Теперь, кто только может, уходит из Крыма» [см. подробнее: 11, с. 169–180.]. С. П. Попов, получивший от партийных контролеров нелестные характеристики, имел реальные основания лишиться места профессора в пединституте. Об этом он рассказывал и в следующем послании в Ленинград 3 марта 1934 года с надеждой, что Вернадский все-таки поможет ему с трудоустройством в столицах:

«Дорогой Владимир Иванович,

слышал, что Вы вернулись в Ленинград, и пишу Вам по очень важному для меня делу. Я был в конце ноября в Ленинграде и пытался выяснить, нельзя ли мне устроиться на службу в Ленинграде, особенно в учреждениях Академии [наук].

Много есть причин, дорогой Владимир Ив[анович], мне стремиться к этому, а главным образом то, что хотелось бы остаток жизни посвятить работе научной в своей области. Я пенсионер и мне надо немного, и я не претендую на какие-либо важные места. Я думаю, Вы поймете мои стремления и, если возможно, поможете мне. По совету [директора Геохимического (в 1932–1937 гг. Ломоносовского) института] Дм[итрия] Ив[ановича] Щербакова я в декабре подал заявление в Академию [наук], прося предоставить мне место старшего специалиста; Дм[итрий] Ив[анович] говорил, что провести меня будет нетрудно, и главные затруднения видел в квартирном вопросе. Это я понимаю, но, чтобы иметь право выехать в Ленинград по нынешнему времени, необходимо иметь приглашение на место – я и думал, как только получу его, послать жену в Ленинград и так или иначе добиться к лету какого-ниб[удь] пристанища. Однако с тех пор никаких я известий от Дм[итрия] Ивановича] не имел, несмотря на мои письма.

Может быть, Вы, дорогой Влад[имир] Ив[анович], не откажете похлопотать немного обо мне в этом отношении, вероятно, в последний раз в нашей жизни.

Как Вам ездило и над чем Вы теперь работаете? Я сейчас пишу «Очерк геохимии Крыма» для местных учреждений и, кроме того, взялся составить «Минералогию Крыма» для Академии. Кроме того, написал несколько очерков для тома «Крым» Геологии России, издающейся Геолразведкой.

Итак, пока всего лучшего. Надеюсь, так или иначе скоро с Вами увидеться. Наталье Егоровне мой сердечный привет. Ваш С. Попов.

3. Ш. [19]34» [7, л. 20–20 об.].

Несмотря на тяжелую моральную обстановку в вузе, нависавшую угрозу увольнения, как видно из текста, С. П. Попов продолжал активно работать. Получив заявку Госплана Крымской АССР, в это время ученый готовил «Карту зонирования Крыма по полезным ископаемым» (Симферополь, 1935) и «Геохимический очерк подземных вод» (Симферополь, 1935) [12, л. 1]. Эти работы ученый проводил совместно с коллегой по пединституту, близким товарищем В. И. Вернадского Петром Абрамовичем Двойченко (1883–1945) [см. подробнее: 13].

Через месяц 3 апреля 1934 года С. П. Попов сообщал Вернадскому:

«Дорогой Владимир Иванович,

получил и с большим удовольствием прочитал Ваше короткое письмо – столько около Вас всегда научных интересов! Мы здесь отвыкли от этого. Я задержался с ответом, потому что немного надеялся, что Вы черкнете что-ниб[удь] дополнительно, переговорив с Дм[итрием] Ив[ановичем] Щербаковым]. От него я так-таки и не получаю никакого ответа, несмотря на двукратные письма. Так что я и не знаю, в каком положении дело обо мне, и, судя по отсутствию ответа, думаю, что в скверном. Что делать дальше, не знаю. Приехать сейчас в Ленинград самому – мне очень трудно, могут просто не отпустить в И[нститу]те. А летом, если приеду, пожалуй, никого не застаю и говорить будет не с кем. Я вообще не понимаю, в чем дело – Дм[итрий] Ив[анович] при свидании говорил, что провести меня будет не трудно, сказал, чтобы я подал заявление с обозначением тем, в которых я желал бы работать, и когда все это было сделано, никакого ответа... Признаюсь, мне это

непонятно – в прежнее время люди были, по крайней мере, вежливее. Телефон у Д[митрия] Ив[ановича], по-моему, есть – 97-49.

Я сейчас работаю над «Минералогией» и «Геохимией Крыма», работаю с интересом, но, когда закончу, хотел бы уже отойти от Крыма и заняться более общими и теоретическими вопросами. А для этого нужны библиотеки...

За присылку «Истории природных вод» очень Вас благодарю – до конца я ее еще не прочитал, но кое-что уже накопилось. Я теперь очень интересуюсь и сопочными водами, которые, по-моему, не совсем одно и то же, и, судя по Вашей классификации, в конце книги, Вы их тоже определенно различаете. Очень хотелось поговорить с Вами по многим вопросам...

Пока что будьте здоровы и пишите. Если сможете сделать что-ниб[удь] для меня, буду благодарен. Всего лучшего. Наталье Егоровне мой сердечный привет.

Ваш С. Попов.

3. IV. [19]34.

Пишите по моему домовому адресу: Симферополь, Крестьянская, 5, мне [7, л. 21–21 об.].

В этот сложный для Попова, как и для всего Крымского пединститута, год ученый писал письма часто. После вмешательства Вернадского Д. И. Щербаков все-таки ответил Попову и вопрос о его трудоустройстве в Ленинграде сдвинулся с мертвой точки. 12 июня 1934 года, Сергей Платонович отправил послание с выехавшей в Ленинград супругой:

Дорогой Владимир Иванович,

жена моя передаст Вам это письмо. Мы совсем собрались переезжать в Ленинград. Я должен ликвидировать здесь все свои дела, а между тем, мое положение в Ленинграде все еще достаточно неопределенно. Сам я до начала июля не могу сдвинуться с места, т. к. у нас

Дмитрий Иванович Щербаков

экзаменационный период, и я очень загружен. Поэтому пришлось послать устраиваться жену. Очень прошу Вас помочь ей, в чем возможно. Главное – это чтобы она получила удостоверение о моем принятии на службу, чтобы мы могли прописаться в Ленинграде. Иначе как мы можем нанять квартиру, на что, м[ожет] б[ыть], придется затратить много денег. Жене помогите хотя бы советом. Пока всего лучшего. Надеюсь, скоро увидеться. Ваш С. Попов.

12. VI. [19]34 [7, л. 22].

24 октября 1934 года С. П. Попов по-прежнему находился в Симферополе. Устроиться на работу в Ленинграде у него не получилось. Местные компетентные органы насторожили анкетные данные супруги Попова. А из Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе он уволился. Профессор, по информации его

ученика П. М. Мурзаева, устроился на работу в Сталиновский горный институт (город Сталино – современный Донецк) [14, с. 367]. При этом он сохранял работу по договору в Симферополе и продолжал зондировать возможность переехать в какой-либо академический центр:

«Дорогой Владимир Иванович, думаю, что Вы уже вернулись в Ленинград. Слышал, что Вы отдыхали в Узком. Думаете ли Вы переезжать в Москву и если думаете, то когда? Я все еще в очень неопределенном положении – здесь уже оборвал, а к другому берегу пока не пристал. Думаю, в ноябре поехать в Москву выяснить свое положение.

У меня к Вам след[ующая] просьба – нет ли в Радиологическом и[нститу]те сведений о радиоактивности пород, грязей и источников Крыма? Здесь кроме тех определений, которые производились местными учреждениями, я ничего не могу достать. Конечно, если это Вас не затруднит – у меня такие представления, что в Радиологическом] и[нститу]те должны такие сведения как-ниб[удь] регистрироваться, но, м[ожет] б[ыть], я ошибаюсь. Может быть, были какие-ниб[удь] экспедиции с этой целью из столиц – об этом мы тоже узнаем, только очень поздно.

*Александр Силович Моисеев.
30-е годы*

Когда появится второй выпуск Ваших «Природных вод» – я сейчас, как раз вожусь с водами Крыма для «Минер[алогии] Крыма» – имеющийся материал совершенно хаотичен.

Пока всего лучшего, м[ожет] б[ыть], скоро, увидимся. Привет Наталье Егоровне. Ваш С. Попов.

24. X. [19]34. Симферополь, Крестьянская, 5» [7, л. 19–19 об.].

Вопрос Попова о возможности переезда В. И. Вернадского в столицу был связан с решением правительства СССР в августе–сентябре 1934 года о переводе Академии наук СССР из Ленинграда в Москву. Владимир Иванович переехал в Москву в июне 1935 года. К этому времени в жизни Попова началась определенная активность. 18 марта он сообщал:

«Дорогой Владимир Иванович, посылаю Вам список трудов и Curriculum [автобиография с указанием научных достижений], собственно, Академия должна была прислать их Вам, так как я оставил списки в Москве. Отзыв направить Д. И. Щербакову в Москву – он передаст в Комиссию, которая этим занимается.

Открытку Вашу я получил только вчера. Судя по имеющимся штемпелям, она совершила предварительную прогулку по Волге.

Очень благодарю Вас за согласие взять на себя этот труд. В Геолтресте (ЦНИГРИ) у А. С. Моисеева имеются рукописи моих четырех работ, которые будут печататься в VIII томе «Геологии СССР», издаваемой ЦНИГРИ (том «Крым»). Если Вам понадобятся эти статьи, можно Вам их доставить. Напишите открытку П. М. Мурзаеву (ул. Рубинштейна, дом 3, комн. 1) и он Вам их доставит. Можно также позвонить в ЦНИГРИ Александру Силовичу Моисееву, чтобы он Вам их прислал на время – они в трех копиях, и поэтому это не затруднительно. Я, впрочем, напишу сам Мурзаеву – он Вам позвонит и спросит, нужны ли они Вам, или просто Вам доставит.

Пока всего лучшего. В июне думаю побывать в Москве и Ленинграде, но, вероятно, Вас уже там не застану. Ваш С. Попов.

Петр Макарович Мурзаев

18. III. [19]35» [7, л. 30–30 об.].

Автобиография С. П. Попова и список основных трудов, отправленные им Вернадскому, сохранились в личном архивном фонде академика [15, л. 1–4]. Напрашивается вопрос, в связи с чем возникла эта суeta со срочной передачей автобиографии и других бумаг, оригиналов наиболее значимых публикаций Попова и списка его трудов в столицу? Предположение о том, что В. И. Вернадский в этот хронологический отрезок рассматривал возможность баллотировать своего коллегу в члены-корреспонденты АН СССР [16, с. 175] представляется сомнительным. Возможно, речь шла об очередном представлении кандидатуры симферопольского геолога в одно из научно-исследовательских подразделений Академии наук. Бумаги могли

быть востребованы для оформления договора в Академии наук СССР, где Попову заказывалась разработка фундаментального издания «Минералогия Крыма». Естественно, поступало финансирование. Но, скорее всего, в это время документы могли потребоваться для получения Поповым докторской степени без защиты диссертации – по совокупности публикаций. Именно этим вопросом в данное время симферопольский исследователь активно занимался. И в этом ему, как всегда, помогал В. И. Вернадский. По этому поводу потребовался отзыв академика о трудах С. П. Попова, который незамедлительно был составлен и передан в Государственный ученый совет.

В письме упоминается общий знакомый Вернадского и Попова, их коллега на ниве крымоведческих штудий Александр Силович Моисеев (1893–1939) – колоритный и все еще малоизученный деятель, сыгравший значительную роль в разных аспектах изучения Крыма в довоенную эпоху. После окончания

Ялтинской гимназии в 1911 году он поступил на естественно-историческое отделение физико-математического факультета Московского университета. С 1914 года активно участвовал в геологических исследованиях в Крыму. Начав свою краеведческую деятельность как действительный член Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба, А. С. Моисеев еще в досоветское время разработал цикл экскурсий по Южному берегу Крыма: ботанические, геологические, археологические. В 1917 году А. С. Моисеев был оставлен профессором А. П. Павловым при кафедре геологии Московского университета для приготовления к профессорскому званию. В революционное лихолетье, вынужденный покинуть Москву и вернуться в родные пенаты, он служил младшим ассистентом в Естественно-историческом музее в Ялте (бывший музей горного клуба). С 1920 года А. С. Моисеев стал ассистентом по кафедре геологии и кристаллографии Таврического университета, где познакомился и начал сотрудничать с В. И. Вернадским. В 1924 году он перешел на службу в Ленинградский государственный университет, на кафедру геологии, где в 1929 году получил звание доцента, а в 1934-м стал профессором. Основные работы ученого посвящены стратиграфии и палеонтологии юрских отложений Крыма и Кавказа, среди которых главное значение имеют работы по мезозойским брахиоподам. А. С. Моисеев является редактором «Геологической карты Крымской АССР» (масштаб 1:500 000), опубликованной в 1937 году [17, л. 1–3]. В поле научных интересов Александра Силовича всегда находились и вопросы древней истории полуострова. Палеолит, мезолит и неолит полуострова он практически изучал на протяжении почти десяти лет, проводя самостоятельные полевые изыскания на горных плато и Южном берегу Крыма. Моисеев, принимал участие и в академических археологических экспедициях, тесно общаясь с ведущими археологами О. Н. Бадером, Г. А. Бонч-Осмоловским, Б. С. Жуковым. В течение 1916–1922 годов ученый проводил комплексное планомерное обследование плато (яйл) Главной гряды Крымских гор, ориентируясь как на уже известные местонахождения и стоянки, так и выявляя новые памятники каменного века. Всего им было обнаружено и описано 24 памятника [18].

Вынужденное «сидение» в Симферополе в связи с неудачной попыткой получить должность в Ленинграде позволило С. П. Платонову пользоваться местными материалами для окончания работы над основным трудом его жизни «Минералогия Крыма». 26 мая 1935 года Попов сообщал Вернадскому:

«Дорогой Владимир Иванович.

Очень извиняюсь, что задержался с ответом. Отзыв Ваш получил и чрезвычайно Вам благодарен. Сейчас я страшно загружен «Минералогией Крыма», которую спешу закончить, т. к. Академия меня торопит. Как всегда, становится жаль, что не успел сделать того-то и того-то.

Из Ваших последних работ я получил «Геохимию» и «Ciallque cons, sur l'etuelle des alumoticotés», что касается «Problimes de la radiologie», то их у меня нет.

Что касается моего переезда в Москву, то ничего не могу сказать. От Ломон[осовского] и[нститу]та [Институт геохимии, кристаллографии и минералогии им. М. В. Ломоносова с 1934 года работал в Москве – А. Н.] не получаю по этому поводу никаких известий и думаю, что они совершенно оставили это дело или забыли о нем. Было бы неплохо, если бы Вы им немного напомнили об этом, хотя бы в форме вопроса. Во всяком случае, в половине июня поеду в Москву сдавать свою «Минералогию». Будете ли Вы еще в это время в Ленинграде или куда-ниб[удь] уже уедете? И куда Вы думаете поехать на лето? Очень хотелось бы с Вами повидаться, но это вполне зависит от того, где Вы будете летом. В Ленинград я, вероятно, приеду из Москвы на несколько дней.

Пока всего лучшего. Наталье Егоровне и Елизавете Дмитриевне мой сердечный привет. Ваш С. Попов.

26. V. [19]35» [7, л. 23–23 об.].

При непосредственной помощи В. И. Вернадского вопрос о присуждении С. П. Попову степени доктора геолого-минералогических наук по совокупности опубликованных трудов начал продвигаться. 16 июня 1935 года он находился в Москве, где занимался связанными с этим организационными вопросами. Ученый экстренно просил Вернадского о новом отзыве:

«Дорогой Владимир Иванович,

в Академии я узнал, что для моей докторской степени нужен соответствующий отзыв от Вас о моих трудах и Д. И. Щербаков говорит, что хорошо бы, если б Вы теперь же его написали и переслали или при свидании передали ему (он, кажется, скоро будет в Ленинграде). Очень Вас прошу, дорогой Влад[имир] Иванович, сделать это для меня – кому же и писать обо мне как не Вам. Печатные работы мои Вы все, вероятно, знаете, что касается до [написанных], то мною сданы в печать в VIII том издающейся «Геол[огии] России» след[ующие] работы: 1. Геолого-экономический очерк Крыма. 2. Железные руды Керч[енского] пол[уострова]. 3. Борнокислая минерал[огия] Керч[енского] региона и 4. Месторождения <нрзб> в Крыму. Если эти работы Вам нужны, их можно получить в Ленинграде – Вы мне тогда напишите и Вам их доставят, а «Жел[езные] руды» могу прислать сам.

Если же за недостатком времени Вы их все равно не будете читать и можно обойтись без них – тем проще. Я еще в 1911 году получил степень магистра.

Итак, хотя я сознаю, это для Вас хлопотно, но очень прошу это сделать – по формальным причинам это оказывается необходимым. Всего лучшего. Ваш С. Попов.

16. VI. [19]35. Москва.

Пишу из Москвы, но сегодня же еду в Крым, куда и черкните (Симферополь, Крестьянская, 5)» [7, л. 29–29 об.].

Академия наук СССР решением от 1 ноября 1935 года постановила: «Утвердить в степени доктора геологии С. П. Попова без защиты диссертации. Непременный секретарь академик – В. П. Волгин» [16, с. 175]. 18 декабря 1935 года, С. П. Попов сообщал Вернадскому:

Александр Евгеньевич Ферсман

«Дорогой Владимир Иванович, письмо Ваше от 28. XI. я получил и очень благодарен Вам за желание мне помочь, был бы счастлив работать с Вами, как когда-то в молодые годы. Относительно Д. И. Щербакова мне кажется, что лично ко мне он хорошо относится, м[ожет] б[ыть], он переменялся, как Вы пишете, но у Вас в Л[омоносовском] и[нститу]те все переменялись и более всех Ал[ександр] Евг[еньевич] Ферсман]. У меня за историю моего поступления в Л[омоносовский] и[нститут] (ведь меня приняли на службу, а потом исключили из списков – единственного из научных сотрудников) получилось все же то впечатление, что единственно с кем из начальствующих лиц и[нститу]та можно было поговорить по-человечески – это Дм[итрий] Ив[анович] – с Ал[ександром] Евг[еньевичем], во-первых, толком договориться совершенно невозможно, а во-вторых, он в каждое новое свидание

совершенно забывает, что обещал и о чем говорил в предыдущем... И у меня совершенно твердое впечатление, что отстоять меня он совершенно не попытается... М[ожет] б[ыть], и Щербаков этого не сделает, но ведь у него и положение другое, и возможности, без сравнения, меньшие. Интересно, говорили ли Вы с ним?

Что касается квартиры, то ведь нас с женой двое, и мы довольствуемся самой небольшой – две комнаты (совсем небольшие) с кухней – то же мы имеем и здесь.

Летом все пребывание свое в Москве я провел в препирательствах с редакцией Лигема [Ломоносовский институт геохимии, кристаллографии и минералогии] по поводу своей «Минералогии». Владимир Иванович, что они делают! Ведь это же издевательство над авторами – такой редакции можно подвергать авторов учебников по первоначальной школе, может быть, работы студентов, если их печатают, но ведь научные работы! Редактор, ведь, что называется, не оставляет камня на камне, переворачивает и «поправляет» каждую строчку, пишет «потому что» вместо «поэтому» и т. п. От языка автора, всех его личных особенностей не остается и следа... Не лучше обстоит дело и с научной стороной – вычеркивается, сокращается по полнейшему произволу... Я бы еще мог понять эти приемы, хотя никогда не согласился бы с их правильностью, если бы в Лигеме был постоянный, притом высокоавторитетный редактор, скажем, вроде самого Ал[ександра] Евг[еньевича] или Вас, но ничего подобного – редактора ищут, можно сказать, с собаками по всей Москве и Ленинграду ad hoc [для этой цели], для каждой работы в отдельности, и авторитет его иногда в глазах автора совсем невысок.

Нигде кроме Академии я такого представления об обязанностях редактора не встречал – печатаю я работы в изданиях ЦНИГРИ, в крым[ских] журналах – нигде

нет ничего подобного, да и сам я, как уже многолетний редактор никогда ничего подобного себе не позволял. В акад[емическом] же издат[ельстве] это вполне определенная система. Я уже протестовал и скандалил, сколько мог... Редактироваться должна рукопись к январю – что должно в конце концов получиться в результате из моей работы – Аллах ведает. Редактирует ее некий проф[ессор] (петрограф!), которого Вы, вероятно, знаете – я с ним познакомился в последний приезд – он очень милый старичок и произвел на меня очень благоприятное впечатление – но он был охвачен страшными порывами редакторского усердия и, чувствуя, сделает из моей работы вермишель. Еще сам не знаю, как я буду реагировать на его редакцию т. к. в окончательном виде ее не видел. Во всяком случае, в январе или феврале придется побывать в Москве ради этой работы – тогда рад буду повидаться с Вами.

Я получил от Академии степень доктора, конечно, благодаря благоприятному отзыву, данному Вами, за который еще раз благодарю Вас. Пока всего лучшего. Ваш С. Попов.

Наталье Егоровне мой сердечный привет.

18. XII. [19]35. Крестьянская, 5. Симферополь» [7, л. 24–25 об.].

В письме от 10 марта 1936 года С. П. Попов продолжил повествование про свои мытарства, связанные с поиском нового места работы:

«Дорогой Владимир Иванович,

все, что Вы пишете, очень печально, но, сказать по правде, я еще в летний свой приезд почувствовал, что попасть в Москву безнадежно. Письмо мое к Вам было, так сказать, попыткой отчаяния – не потому, чтобы я думал, что Вы не захотите мне помочь, а потому, что чувствовал, что дело с квартирой безнадежно и преодолимо разве какими-н[ибудь] «особыми» путями. Путь обмена, который Вы советуете, не может помочь делу – в последнем году примеров обмена здесь в Симферополе было немало – даже сейчас моя кухня из Ленинграда обменивается на Симферополь. Результат этих обменов один и тот же – за более или менее сносное помещение здесь, Вы получаете в столицах клетушку, в которой, кроме стола и кроватей, и поставить ничего нельзя. Мы с женой, дорогой Владимир Иванович, не можем пойти на такие условия жизни – жена моя – больной человек, я уже стар и тоже нуждаюсь в некоторых элементарных удобствах. Иначе мы будем только болеть, и тогда из работы моей ничего не получится. Это с моей стороны вовсе не каприз и не привередничанье, но в 65 лет нельзя не следить за собой, если желаешь работать... Может быть, попытку в форме объявлений в газетах и следует сделать, но я так убежден в том, что это ни к чему не приведет, что неоткуда взяться энергии на это дело. Есть, впрочем, люди, которые немного хлопочут за меня в этом направлении – недели через две-три я приезжаю в Москву на несколько дней и посмотрю, что можно будет сделать. Немедленно по приезде зайду к Вам. В Москве буду проездом в Воронеж, куда меня пригласили прочесть курс минералогии в унив[ерситете], по-видимому, и чтобы там остаться, но не вижу оснований менять Симферополь на Воронеж. Геологич[еский] факультет там только открывается и Минер[алогический] кабинет пока пустое место. Сейчас я работаю по вопросам

распространения в Крыму более или менее редких элементов. Очень интересно, но работа подвигается медленно по ряду неблагоприятных условий – главная беда в том, что не с кем работать – ведь у нас не Универ[ситет], а Пед[агогический] И[нститу]т и у меня нет ни учеников, ни помощников. Интересующаяся молодежь все же есть и здесь, но студенты так загружены обязательными занятиями, особенно педагогией, что из попыток заняться иссл[едовательской] работой обыкновенно ничего не выходит. А по окончании курса жизнь заставляет загрузиться работой в средней школе или какой-ниб[удь] заводской лаборатории. Две мои ученицы, еще того времени, когда у нас был Университет и Минер[алогический] каб[инет], теперь делают одна консервы, а другая мыло. А люди живые и способные, и даже на этом пути достигли того, что обе являются уже заведующими лабораториями. И сейчас у меня кончают две очень хорошие работницы, которые немного работают у меня по геохимии (по выходным дням!), но и им, конечно, по окончании И[нститу]та придется варить мыло.

Вновь стал заниматься под влиянием запросов местной жизни минеральными водами Крыма. Есть ли у Вас мои работы в этом направлении? Если нет, привезу.

Что касается моих споров с редакцией, то я вовсе не думал привлекать Вас к этому делу, и я вовсе не жалею на отношение ко мне, наоборот, со мной считаются, пожалуй, больше обычного, но я никак не могу (и не я один) согласиться с тем общим отношением к научным работам, которое принято в редакции Лигема. Насколько я мог понять, это установки вечного А[лександр] Е[вгеньевич] Ферсмана, по крайней мере, и Щербаков, и Долгополов, когда с ними поговоришь, с Вами соглашаются, но говорят «у нас такие установки». Я сейчас выпустил как редактор № «Известий» И[нститу]та (Химич[еский] отдел) и ни разу, если автор писал «оттого что», не переправил на «потому что», а ведь это и составляет главную работу редакторов Академии. Не могу согласиться и с тем, что рукопись представлена в необраб[отанном] виде – я бы именно и хотел, чтобы она в таком виде была напечатана и по возможности меньше испорчена «обработкой», которая в конце концов может принять невыносимые размеры.

В конце Вашего письма Вы пишете, что заняты работой по вычислению состава биосферы по [морям и океанам] нашей страны. Не могу ли я Вам помочь материалами Крыма? Если да, то я охотно это сделаю.

Пока всего лучшего, скоро увидимся. Ваш С. Попов.

10. III. [19]36. Крестьянская, 5» [7, л. 31–32 об.].

Как мы видим, в марте 1936 года профессор только упоминал о приглашении прочитать курс в Воронежском госуниверситете. И планов перебраться окончательно в Воронеж пока у него не было. В этой связи уточним данные публикации воронежских коллег. Там утверждается, что С. П. Попов заведовал кафедрой минералогии и петрографии на геологическом факультете Воронежского университета с 1934 по 1942 годы [19, с. 222]. Администрация Воронежского университета была крайне заинтересована в переходе к ним авторитетного геолога. Сергей Платонович поставил условия – выделение для него с женой отдельной квартиры с удобствами и организация в университете научной лаборатории для

проведения научных исследований и практических занятий со студентами на современной аппаратуре. Это требовало значительного финансирования для закупок оборудования. Просьбы профессора были приняты руководством вуза. По сравнению с педагогическим институтом в Симферополе, где его научные разработки были малоинтересны номенклатурной администрации, университет в Воронеже давал определенные перспективы именно в ученой сфере. Работать в Воронеже ученый стал с осени 1936 года наездами, пока еще проживая значительную часть времени в Симферополе. Жилье сразу не нашли, но пообещали решить вопрос в течение текущего года. Профессор окончательно переехал только летом 1938 года, о чем свидетельствуют строки последующих посланий Вернадскому. Так, 30 мая 1936 года Сергей Платонович сообщил:

«Дорогой Владимир Иванович,

пишу Вам еще из Воронежа, но завтра уже возвращаюсь в Симферополь. Кажется, что я уже решил на переход с осени в Воронеж. Если квартира окажется удовлетворительной и обещанные ассигнования на устройство лаборатории будут реализованы, я перееду. Летом думаю из Москвы, где рассчитываю быть в июне, заехать сюда, посмотреть, что сделано, и тогда окончательно решу. Преимущества перед Симф[ерополем] лишь те, что я буду работать по специальности и вообще буду меньше загружен – это тоже немало. А пока что кафедра минералогии существует лишь номинально т. к. нет ни помещения, ни оборудования – все бывшее оборудование за период пустования кафедры куда-то исчезло – не осталось ни одного микроскопа. Жаль Крыма, где мне следовало бы умереть, но, в конце концов, не все ли равно. Обещают здесь дать много, но цена обещаний в наше время хорошо известна.

В Симферополе у меня еще целый месяц экзаменационной работы и только с июля я освобождаюсь. Прочитал за 40 дней полный курс минералогии – читал по 4 [лекции] по 6 ч. в день. Это трудновато и я устал порядком, тем более, что еще работал над рукописями «Минералогии Кр[ыма]», стараюсь привести ее в мало-мальски приемлемый для меня вид – вчера лишь отправил ее в Москву. Если Вас не затруднит очень, скажите, пож[алуйста], пару слов Щербакову, чтобы они уже больше ничего не переделывали – они Вас очень слушают. Боюсь, что при моем приезде Вас уже в Москве не будет – приеду я не ранее 5 июля, Вы, должно быть, уже уедете за границу, а хотелось бы повидать Вас до отъезда.

Стараюсь перетащить сюда Мурзаева в качестве доцента по петрографии, но у него, кажется, навертываются шансы устроиться в Москве, и пока это не выяснится, он не поедет. Придется теперь также <найти> ассистента – все мои ученики рассеялись по разным углам СССР и сидят прочно, пожалуй, никого не сдвинешь.

Всего лучшего, напишите, когда уезжаете и надолго ли.

Адр[ес]: Симферополь, Крестьянская, 5.

Наталье Егоровне мой привет. Ваш С. Попов.

30. V. [19]36. Воронеж» [7, л. 33–33 об.].

С. П. Попову удалось «перетащить» в Воронеж своего воспитанника П. М. Мурзаева. Он начал работать на кафедре минералогии и петрографии в Воронежском университете с 1938 года.

13 февраля 1937 года еще из Симферополя С. П. Попов сообщал:

«Дорогой Владимир Иванович,
давно не имел от Вас известий. Мурзаев писал мне, что Вы были в Ленинграде. Что слышно насчет съезда минералогов? На днях я был в Днепропетровске, видел там Л. Л. Иванова, он мне говорил, что Вы ему писали, что съезд будет скоро. Для нас, провинциалов, были бы желательны персональные приглашения – тогда можно было бы хлопотать в командировках. И, во всяком случае, оповещения надо бы сделать заблаговременно. А ведь летом будет еще межд[ународный] геологич[еский] конгресс – надо бы, чтобы эти два съезда не были бы слишком близки один от другого.

Леонид Ликарионович Иванов

У нас все довольно [мило] и тихо. Работаем, сколько можем. Пока всего лучшего. Может быть, скоро увидимся. Ваш С. Попов.

13.11. [19]37. Симферополь, Крестьянская, 5» [25, л. 34].

Упоминается геолог, минеролог Леонид Ликарионович Иванов (1877–1946), однокурсник С. П. Попова по Московскому университету, ученик В. И. Вернадского. С 1908 года он служил профессором Екатеринославского высшего горного училища, затем Днепропетровского горного института. С. П. Попов посвятил его памяти некролог [20]. В послании речь идет про съезд геологов. Последний состоялся в 1928 году в Ташкенте. В данный период съезд так и не был созван. Упомянут XVII сессия Международного геологического конгресса, которая проходила в Москве с 21 по 28 июля 1939 года.

Через месяц 18 марта 1937 года Попов сообщал из Симферополя:

«Дорогой Владимир Иванович,
открытку Вашу я получил, но, очевидно, минералогический съезд (предварительный), о котором Вы писали, не состоялся, так как уже прошла половина марта, а он, помнится, предполагался в первых числах. И состоится ли вообще съезд минералогов? Ведь этим летом должен быть международный геологический конгресс, и, пожалуй, два съезда трудно будет осуществить. Очень бы хотелось знать реальные шансы осуществления того и другого, – если Вас не затруднит очень – напишите. Поедете ли Вы в какую-нибудь экскурсию международного съезда и, если да, то в какую? Меня командирует на съезд Воронежский у[ниверсите]т, я думаю попасть в Кавказскую экскурсию.

Занимаюсь пока разными частными вопросами крымской минералогии, если перееду в Воронеж, от Крыма отстану, и хотелось бы еще выяснить некоторые вопросы его минералогии.

Пока всего лучшего. Наталье Егоровне и мой сердечный привет. Ваш С. Попов. 18. III. Симферополь, Крестьянская, 5» [7, л. 28–28 об.].

Письмо свидетельствует, что С. П. Попов уже находился в штате университета в Воронеже. Вуз был готов финансировать его поездку на съезд, но научный форум не сложился. Следующее послание Попова не датировано, но по упомянутым там госпитализациям академиков А. Е. Ферсмана и В. И. Вернадского его можно атрибутировать апрелем 1937 года.

«Дорогой Владимир Иванович,

давно уже не имею от Вас известий. Поправились ли Вы уже от гриппа. П. М. Мурзаев писал мне из Ленинграда, что туда был привезен из Хибин Александр Евгеньевич совершенно больной, что с ним такое?

Как обстоят дела с Минер[алогическим] совещанием? Я давно уже получил извещение от Оргбюро о его созыве, но точный срок не указан; я писал об этом в Оргбюро, но пока не получил ответа. М[ожет] быть, в связи с нездоровьем Вашим и Ал[ександра] Евг[еньевича] совещание отложат.

Я уже выхлопотал себе командировку на него. Если же совещание не состоится, вероятно, все-таки заеду в Москву проездом в Воронеж в половине мая. Но будет жаль, если совещание не состоится.

Пока всего лучшего. Наталье Егоровне и мой сердечный привет. Ваш С. Попов.

P.S. Недавно получил от Президиума Академии наук извещение, что мне присуждена докторская степень без защиты диссертации постановлением президиума Академии от 15. III. [19]37 года. Ничего не понимаю. Ведь совершенно такое же извещение я получил уже полтора года тому назад – о присуждении мне той же степени тем же президиумом 1. XI. 1935 года. И об этом было напечатано в одном из номеров «Известий» Академии. Чудеса» [7, л. 26–27].

В это время и А. А. Ферсман, и В. И. Вернадский болели. В марте 1937 года во время одной из очередных поездок в Хибин А. Е. Ферсман заболел и в тяжелом состоянии был доставлен в ленинградскую больницу, где находился несколько месяцев, а затем лечился на Северном Кавказе. Только в феврале 1938 года он вернулся в Москву. В мае 1937 года В. И. Вернадский проходил курс лечения от сердечной аритмии. Минералогическое совещание из-за болезни академиков было отменено. А повторное «присвоение» Попову докторской степени связано с канцелярской ошибкой в канцелярии Государственного ученого совета.

Находившийся в Москве 12 июня 1938 года С. П. Попов писал:

«Дорогой Владимир Иванович,

прежде всего, позвольте поблагодарить Вас за память и за поздравление по поводу моего юбилея. 15-го числа было получено много телеграмм и писем из Москвы и Воронежа. К сожалению, по плохой распорядительности организационной комиссии откуда-то прошел слух, что юбилей 15-го мая, между тем, он назначен на

29 июня. Никакой беды, от этого, конечно, нет, все телеграммы и приветствия будут зачитаны 29-го на заседании, но получилось немного комично...

Я, было, договорился с Ал[ександром] Павловичем [Виноградовым – геохимиком, заместителем директора Биогеохимической лаборатории АН СССР] о поездке к Вам в Узкое, но пришлось от этого отказаться, т. к. вчера и сегодня я чувствую себя неважно. Я болею сердцем, Владимир Иванович, бывают припадки, и в смысле утомления приходится вести себя осторожно, а т[ак] как сегодня ночью мне надо выехать в Симферополь, то боюсь утомляться. Еду, вероятно, в последний раз, у меня остались там занятия, которые надо провести, в начале июля вернусь в Воронеж, на август рассчитываю поехать в Кисловодск.

Буду думать, что в течение лета успею повидать Вас, если Вы не уедете за границу. Пока всего лучшего, еще раз очень благодарю Вас. К сожалению, после 40-летней пед[агогической] работы приходится еще продолжать работать гл[авным] обр[азом] в этой области, отчего, конечно, научно-иссл[едовательская] часть страдает, но ничего не поделаешь! На днях пришлю Вам из Симф[ерополя] свою «Минералогия Крыма». Сам постепенно перехожу на геохимию. Десятилетняя практика в качестве профессора химии совсем перевела меня в область химических процессов.

Ваш С. Попов. 12. VI. [19]38. Москва» [7, л. 36–36 об.].

Таким образом, становится понятным, что до конца 1937–1938 учебного года профессор С. П. Попов продолжал службу и в Крымском государственном педагогическом институте им. М. В. Фрунзе. Кстати, там довольно прилично отметили юбилей ученого-геолога [21].

В это время В. И. Вернадский пытался провести Сергея Платоновича в члены-корреспонденты АН СССР. Это не первый случай, когда Владимир Иванович помогал своим бывшим коллегам по Таврическому университету с баллотировкой в Академию наук страны [см. подробнее: 22]. Еще 8 марта 1938 года в письме к академику А. Е. Ферсману В. И. Вернадский заметил: «Мне кажется, нужно увеличить число членов-корреспондентов. Что Вы думаете о Пилипенко или Попове. Попов имеет учеников. Сейчас выйдет его «Минералогия Крыма» (которую совершенно напрасно искажил [редактор] Коленко, неправильно понявший свои редакторские обязанности). Я думаю, все ж таки Сергей Платонович заслуживает быть членом-корреспондентом» [23, с. 188]. Спустя две недели – 24 марта – В. И. Вернадский, не получивший ответа коллеги, напомнил А. Е. Ферсману: «Вы мне ничего не ответили по поводу Болдырева и Попова. Даже если в ближайшее время выборов не будет, мы должны всё же сами представить себе ясно наши возможности. Я думаю, кроме того, что необходимо увеличить число минералогов в Академии. Если Болдырева провести в академики, Смирнова и Попова следовало бы в члены-корреспонденты. Что Вы думаете о Попове?» [23, с. 190]. Именно тогда Сергей Платонович получил из Москвы указания о подготовке документов для баллотировки в члены-корреспонденты АН СССР.

18 июня С. П. Попов, подготовив необходимые бумаги и материал для специальной «записки» академиков, которая готовилась для баллотировки, сообщал Вернадскому из Симферополя:

«Дорогой Владимир Иванович,
посылаю Вам curriculum vitae (из личного дела [Крымского педагогического] и[нститу]та), список трудов и извещение о юбилее.

На Ваш вопрос, какие свои работы я считаю наиболее важными, могу указать следующие.

1. Работы по выяснению генезиса Керченских железных руд (и отчеты оолитовых руд вообще). Этому вопросу посвящены работы №№ (по списку литературы) 15, 16, 17, 21, 23, 40 (стр. 106–128) и 49. К сожалению, не был напечатан отчет Геол[огическому] комитету (№ 49), в котором был приведен ряд опытов, в том числе с бактериями.

2. Работы по борнокислым минералам и по распространению бора в связи с процессами грязевого вулканизма и по явлениям последнего (№№ 2, 4, 6, 27, 29, 34, 38, 39, 40 (глава III), 50.

3. Работы по фосфатам железа, преим[ущественно] по группе [вивианита], с выяснением характера его превращений в зоне выветривания и установлением новых минеральных видов (керченит, боспорит, таманит) №№ 9, 12, 14, 16, 30, 40 (гл[ава] VII.2), 49.

4. В последние годы я много занимался химией крымских подземных вод и источников, причем были обнаружены и [ряд] сероводородных источников с небывалым содержанием N_2S в воде №№ 33, 35, 40 (гл. I), 45, 46.

<нрзб> значения работы по сере (устранение β -серы в осадочных породах). Очень Вам благодарен, дорогой Владимир Иванович, за Ваши хлопоты и память обо мне. Экземпляр «Минералогии Крыма» одновременно высылаю бандеролью.

Ваш С. Попов.

С 1-го июля я возвращаюсь в Воронеж [7, л. 35].

В. И. Вернадский составил обязательный для баллотировки отзыв о научных трудах С. П. Попова для представления в члены-корреспонденты Академии наук СССР. Академик отметил: «Научная работа С[ергея] Пл[атоновича] длится с конца прошлого столетия, и в этом году в Симферополе праздновалось сорокалетие его научной работы. Он был профессором в Ново-Александрии, в Харькове и в Симферополе, начал свою научную работу в Московском университете, где преподавал в качестве приват-доцента до 1908 г. Он создал целую школу учеников и продолжает работать до сих пор. В этом году вышел его большой труд «Минералогия Крыма», очень ценный, сводка многолетней работы. Изучению минералогии Крыма во всей широте посвящена большая часть его научных работ с 1898 до 1938 г.» [24, л. 3].

14 августа 1938 года Сергей Платонович писал в Москву уже из Воронежа:

«Дорогой Владимир Иванович,
давно не имел от Вас никаких известий. Был в июле в Москве, узнал, что Вы в Узком, но с кратковременностью пребывания не успел к Вам пробраться. Вероятно,

в самом начале августа опять там побываю – не будете ли Вы уже в это время в Москве? Юбилей мой прошел довольно тепло, позвольте еще раз поблагодарить Вас за хлопоты обо мне. В члены-корр[еспонденты] кроме Вас меня предложили также Воронежский унив[ерситет] и Крымский педаг[огический] институт – не знаю, что из этого выйдет.

Как-то Вы мне говорили, Влад[имир] Иванович, что в Академии есть идея заняться подсчетом химич[еского] состава СССР <нрзб>. Меня эта мысль очень занимает по отношению Крыма. Все-таки Крым принадлежит к наиболее изученным в геохим[ическом] отношении областям Союза, и, может быть, здесь можно было бы положить начало этой работы. Думаю, можно было бы рассчитывать на поддержку местных организаций, особенно, если бы я чувствовал за собой поддержку Академии. В Крыму я уже говорил кой с кем по этому поводу. Напишите, что Вы думаете по этому поводу. Наталии Егоровне мой сердечный привет Жена шлет свой привет Наталии Егоровне и Вам.

Ваш С. Попов. Воронеж, Университет, Геофак. 14. VIII. [19]38.

Высылаю Вам одновременно экземпляр «Минералогии Крыма» [7, л. 39–39 об.].

Вернадскому не удалось провести С. П. Попова в члены корреспонденты АН СССР. Очевидно, сказался «саботаж» А. Е. Ферсмана. Александр Евгеньевич не поддерживал изначально этой идеи.

12 декабря 1938 года Попов писал из Воронежа:

«Дорогой Владимир Иванович,

давно уже не писал Вам – все собирался в Москву и думал повидаться лично – но, по-видимому, это будет нескоро. Вы все пишете о своем уходе почти со всех мест своей деятельности – это очень печально, особенно мне жаль, что Вы ушли из биогеохимич[еской] лаборатории – боюсь, что она без Вас просуществует недолго, что касается Радие[вого] и[нститу]та, мне кажется, что фактически Вы уже давно от него отошли. И вообще жаль, что Вы мало по малу складываете оружие – ведь я не так уже моложе Вас – а несу всю пед[агогическую] нагрузку, которая много тяжелее нагрузки исследов[ательской] работы.

Впрочем, надо сказать, что и чувствую себя я вообще далеко не важно. Жаль мне также, что Вы бросили идею о подсчете хим[ического] состава территории Союза – я как раз хотел предложить начать эту работу с Крыма – я бы взялся провести ее – думаю, что на месте мы нашли бы поддержку. Как дела с выборами в Академии и что вообще нового в акад[емических] делах? У меня большая перемена в обстоятельствах домашней жизни – сын мой развелся со своей женой и подкинул нам своего ребенка – мальчика 3-х лет, – так что с нами живет теперь мой внук. Вы, конечно, представляете хорошо, какое изменение всего строя жизни произвело вторжение маленького, шумливого беспокойного существа. Приходится трудновато ввиду того, что я стар, а Е[лизавета] Ал[ександровна] тоже уже не молода и к тому же болезненна. Вообще жизнь подносит всякие неожиданности.

Очень хотелось бы повидать Вас и поговорить с Вами. Думаю, что во второй половине января удастся все-таки побывать в Москве.

Очень много приходится работать по делам кафедры. Пишу новый курс минералогии – надеюсь издать – Университет] обещает поддержку. Работаю немножко по фосфоритам и каолинитам типа глин и хлоритов.

Пока всего лучшего. Ваш С. Попов.

Наталье Егоровне мой сердечный привет. 12. XII. [19]38.

Пишите по адресу: г. Воронеж, Студенческая 7-б, кв. 9. – это мой домашний адрес [7, л. 37–38].

Почувствовав в Воронеже, в отличие от Симферополя, интерес к своей научной деятельности, С. П. Попов в краткие сроки образцово организовал работу кафедры минералогии и петрографии с соответствующими специализированными кабинетами. По его инициативе, одобренной ученым советом вуза и поддержанной профильным министерством, для всех геологических факультетов страны были введены новые курсы геохимии и осадочной петрографии. Ученый завершил формирование Геологического музея, минералогическая коллекция которого стала насчитывать около 3000 образцов, представленных более чем 800 видами минералов. Музей имел штатного сотрудника и использовался не только для учебных, но и для исследовательских целей [19, с. 222].

Опираясь на многолетний опыт геологических исследований в Крыму и свои контакты на полуострове С. П. Попов внес новую традицию проведения учебной практики студентов географического факультета из Воронежа в Крыму. Будучи в то время ассистентом кафедры минералогии и петрографии, будущий министр геологии СССР, вице-президент АН СССР Александр Васильевич Сидоренко вспоминал об учебной практике, которой руководил профессор С. П. Попов: «Ежегодно с наступлением лета мы уезжали на практику. Сперва занимались геологией Воронежской области на крутых обрывах Дона. Самое же интересное было после окончания третьего курса. Тогда мы отправлялись на двухмесячную практику в Крым. Загорелые, обвеянные ветром, вели геологическую съемку Крымских гор. Первая ее половина – поблизости от г. Бахчисарая, вторая половина – вблизи г. Феодосии (в теперешнем Планерском) [во время проведения практики и сейчас – Коктебель, в 1944–1990 название поселка – Планерское] с экскурсиями на Карадаг... Нас с большим энтузиазмом и терпением обучали профессора С. П. Попов, Д. И. Дамперов, А. А. Дубянский, Г. П. Горшков, Е. К. Лазаренко и др. Они внесли много нового в науку о Земле, передали нам свою горячую любовь к геологии» [Цит. по: 19, с. 222].

В Воронеже Сергей Платонович встретил начало войны. В первые месяцы трагедии у ученых еще не было чувства тотальной беды. Они верили в мощь Красной Армии и в то, что будем бить врага «на его территории», считая трудности на фронтах временными. Геологи продолжали заниматься своими научными проблемами. В. И. Вернадский писал С. П. Попову 5 сентября 1941 года:

«Дорогой Сергей Платонович,

только теперь прочитал Ваши работы. Статью Сидоренко [Александра Васильевич – ученика Попова по Воронежскому университету, в будущем – академика (1966 г.)] я направляю в «Доклады», мне кажется, она не превосходит по размерам. Мне кажется, нельзя согласиться с формулой: отчего около 2% окиси кальция не вошли в формулу? Была ли сделана проба на закись железа? Как будто бы была? Но углекислота не определялась. И, может быть, есть CaCo^3 .

Вашу статью о кеффекелите отправляю в «Известия АН, сер[ия] геол[огическая]». У меня нет здесь под рукой книг, но почему-то мне казалось, когда-то я с ним возился, что он относится к салониту или к сапполиту, не помню. Мне кажется, есть работа Лакруа, которую не видно в Вашем списке литературы.

*Владимир Иванович Вернадский
в Боровом. 1942 год*

Работы Лаппарана мне представляются в корне ошибочными. Я опять возвращаюсь к старому вопросу. Когда Вы взяли на исследование радиально лучистые конкреции, которые, как мы с Вами думали, являются кристаллическим кеффекелитом, что с ними сделалось? В Вашей статье неясно, в чем проявляется однородность Вашего материала?

Посылаю Вам последнюю работу нашей лаборатории о хлоритах, серпантинах и тальках. Любопытно отсутствие концентрации тяжелого кислорода в серпантинах. Образуется ближе к биосфере? Благородный серпантин из Америки требует проверки. Работаю непрерывно, но медленно, подумываю о переезде к зиме в Казань, где моя лаборатория» [25, л. 8–8 об.].

Иллюзии были недолгими. И Вернадский, и Попов довольно скоро на себе почувствовали все невзгоды военного времени. С. П. Попов не успел эвакуироваться из оккупированного немцами Воронежа. В условиях оккупации они с женой ушли пешком и с большим трудом добрались до Харькова, который 23 августа 1943 года был освобожден советскими войсками. 20 октября 1943 года он сообщал Вернадскому из Харькова:

«Дорогой Владимир Иванович, получил Ваше письмо, которому очень обрадовался. Телеграммы, о которой Вы пишете, я не получал. Вы спрашиваете, как я прожил это время, пока мы были лишены переписки. Ведь Вы знаете, что мы были эвакуированы, т. е. попросту выгнаны прикладами из Воронежа. Немцы вели себя при этом очень грубо, когда нас выставили из убежища в университете, где мы жили последние дни, немецкий солдат ударил меня, жену также ударили.

Ушли мы из Воронежа пешком с рюкзаками за плечами, в которых заключалось все наше имущество – можете себе представить, много ли мог унести такой слабенький старик, как я. Пешком мы прошли более 50 км, потом нас посадили в вагоны и доставили в Харьков, где нам и пришлось устраиваться жить.

Жить, конечно, было очень трудно, ведь мы были лишены всякого имущества, буквально нищие, а ведь надо было на чем-нибудь спать, в чем-нибудь варить пищу, есть и т. п. Особенно тяжело сказывалось отсутствие теплого платья, я и жена всю

зиму проходили в легких пальто, а зима была суровая, да и в помещениях, в большинстве было холодно. Жена болела, но я держался для своих лет удивительно, только к концу года, весной, у меня стали пухнуть ноги, по определению врачей от недостаточного и однообразного питания – недостатка жиров, витаминов и пр., но за лето и это прошло. Теперь положение наше несколько улучшилось, во многом помогли добрые люди, жизнь понемногу налаживается, меня приняли в Харьковск[ий] унив[ерситет]. По-прежнему острым остается вопрос о теплой одежде, которой по-прежнему ни у меня, ни у жены не имеется, а зима наступает...

В вопросе о теплом платье я желал бы, чтобы кто-нибудь нам помог, т. к. я совершенно не вижу никаких возможностей их приобретения.

Весь этот год я научно совершенно не мог работать, но сейчас приступил к работе. К сожалению, в Воронеже погибла вся моя библиотека и все рукописи, в том числе приготовленная к печати «Некоторые хлоритовые минералы из области Курской магнитной аномалии» и о «О табачных рудах Керченского полуострова». Но особенно меня удручает потеря рукописи моего «Курса минералогии». Очень хотелось бы его хотя бы частично восстановить – первая часть (общая) была издана в гектографированном виде для студентов Воронежского унив[ерситета] и у кого-нибудь из них, вероятно, сохранилась. Из второй части все кислородные соединения были на просмотре в Акад[емии] наук, м[ожет] б[ыть], экземпляры эти там сохранились у бывших рецензентов. Мою статью «О кеффекелите», которую я передал через Вас, я в печати не видел – по-видимому, она пропала, т. к. еще будучи в Воронеже, я не мог добиться, у кого она находится.

В настоящее время я здесь затеял издание «Минералогия Украины», привлекая к нему всех наличных хороших минералогов и Харьковский Геологический инст[итут], в котором я работаю. Не примет ли Академия эту работу под свое покровительство? Может быть, возьмется издать его? Я понимаю, что теперь все это трудно, но если кому и возможно, то только Академии. Я буду и Ал[ександру] Евг[еньевичу Ферсману] писать об этом.

Очень устаю от напряженной работы – домашняя жизнь уже требует большого напряжения сил – ведь жена приходит домой с работы лишь в 6 час[ов] веч[ера], следовательно, обслуживание всего домашнего обихода лежит на мне, а это – большой труд, особенно в той полунищенской обстановке, в которой мы живем благодаря потере имущества, а последнее в настоящее время не вознаградиво. Правда, с нами живет мой ученик по Воронежу, который делит со мной все эти хлопоты, но все же тяжело.

Хотелось бы устроиться где-нибудь в академических учреждениях, где одна научно-исследовательская работа, без педагогической.

Пока всего лучшего, не забывайте и пишите. Ваш С. Попов.

Харьков, Госпитальная, 22, кв. 6» [26, л. 4–5].

В. И. Вернадский сразу откликнулся на нужды своего старейшего ученика и друга, выслав 2000 руб. из своей премии. 30 ноября 1943 года он сообщал:

«Дорогой Сергей Платонович,

получили ли Вы мой перевод в 2000 рублей? Хотел послать их телеграфом, но у меня не приняли. Но я послал Вам телеграмму, что они посланы. Это было еще

13 октября. Я снесся с Украинской академией наук но, к сожалению, Богомолец болен, а теперь заболел и Чернышев, которому я писал об Вас.

Я имею устный ответ от него через одного академика. Он ответил сегодня по телефону, что Украинская академия послала Вам официальное предложение о привлечении Вас к ее работе. Что-то надеются предпринять и в отношении теплой одежды.

Очень жду от Вас письмо. Как здоровье Вашей жены? Пишите, пожалуйста. Ваш Вернадский» [25, л. 21].

После восстановления работы вузов в Харькове Сергей Платонович получил должность профессора кафедры минералогии и кристаллографии Харьковского государственного университета им. Максима Горького.

16 марта 1944 года Вернадский сообщал:

«Дорогой Сергей Платонович, очень рад был получить вчера Вашу открытку. О деньгах не беспокойтесь. Вернете, когда хотите и когда это будет Вам легко. Это из моей премии, которую я, конечно, не могу использовать для детей. Мечтаю о поездке к ним, главным образом, к моей внучке. Пишите.

Ваш В. Вернадский» [25, л. 26].

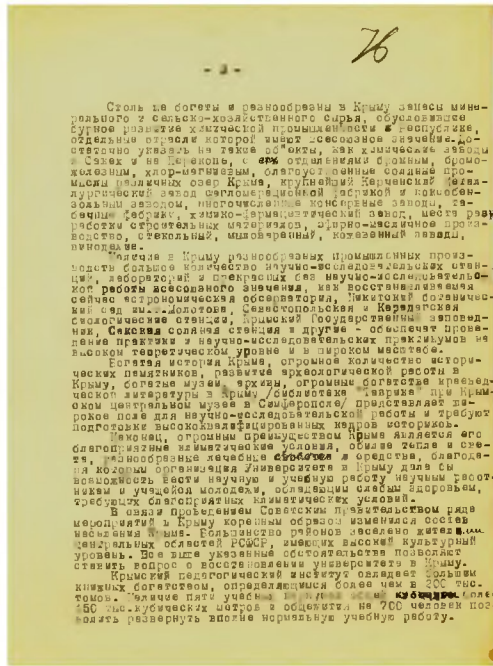
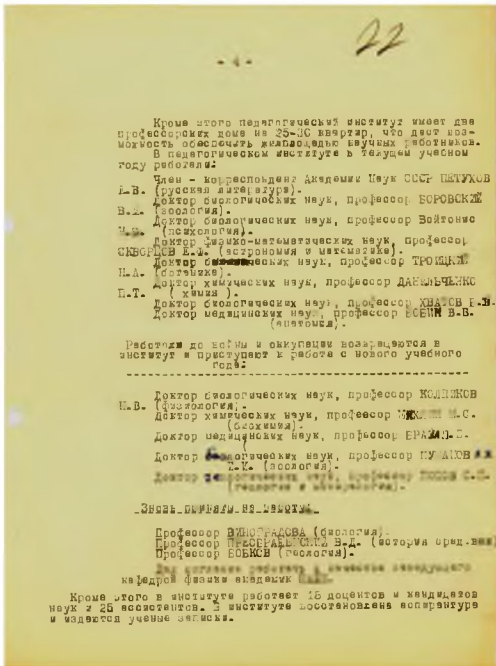
В конце апреля 1944 года С. П. Попов приехал в Москву к В. И. Вернадскому и жил у него до октября. Сергей Платонович, несмотря на возраст, тогда много занимался в библиотеках, собирая материал для вузовского курса по минералогии. Он обсуждал с Владимиром Ивановичем вопрос о возможности его перехода на работу в Академию наук УССР. Вернадский пытался этому поспособствовать. Однако результата его ходатайства не дали. В октябре 1944 года С. П. Попов вернулся в Харьков, где продолжал преподавать в университете до 1 сентября 1956 года [27, с. 290].

Интересно, что С. П. Попова в послевоенный период не забывали и в Крымском гос. педагогическом институте им. М. В. Фрунзе, где он проработал большую часть жизни. Профессор получил предложение вернуться в Симферополь. В 1945 году крымская научная общественность очередной раз инициировала вопрос о придании местному пединституту статуса университета, что стало бы восстановлением былых традиций в истории высшей школы полуострова. Был подготовлен проект ходатайства Народного комиссариата

*Сергей Платонович Попов.
1950 год. Харьков*

просвещения РСФСР на имя заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотова, где раскрывалась роль вуза и его профессуры в общественной и научно-образовательной жизни области. Указывались и наиболее крупные ученые, которые в разное время работали в университете–пединституте. В отдельной графе «Работали до войны и оккупации, возвращаются в институт и приступают к работе с нового учебного года» указан и доктор геологических наук, профессор С. П. Попов, который читал курсы по геологии и минералогии [28, л. 74–77]. Руководство вуза надеялось, что профессор вернется из Харькова в Симферополь. Для предания большего статуса педколлективу посчитало нужным внести в число профессорско-преподавательского става и фамилию С. П. Попова.

Записка на имя В. М. Молотова о преобразовании Крымского пединститута в университет. 1945 год. Из фондов ГА РФ

В 1948 году С. П. Попов был вновь избран профессором кафедры геологии и кристаллографии Харьковского госуниверситета им. Максима Горького и заведующим сектором геохимии Научно-исследовательском институте геологии при университете. Так же он заведовал кафедрой геологии Харьковского института строительных материалов. В 1952 году Харьковский гос. университет им. Максима Горького торжественно отметил 80-летие профессора С. П. Попова и 55-летие его научной деятельности [27, с. 289]. Юбиляр получил большое количество

приветственных адресов со всех концов Советского Союза. 1 сентября 1956 года Сергей Платонович вышел на пенсию [29, л. 49–50].

Ученый скончался 21 мая 1964 года в Харькове на 93 году жизни. На тот момент он являлся старейшим из профессоров Харьковского государственного университета им. Максима Горького [30, с. 180].

Профессор С. П. Попов – крупный советский ученый с мировым именем – автор более 70 весомых трудов в области геологии, в которых развивал новое химико-генетическое направление [библиографию работ С. П. Попова см.: 27, с. 291–292]. Он сыграл выдающуюся роль в развитии естественного направления в Таврическом университете, Крымском университете им. М. В. Фрунзе, Крымском государственном педагогическом институте им. М. В. Фрунзе. Ученый занимал должности заведующего кафедрами, проректора, директора НИИ при пединституте. Его имя по праву в числе «золотого фонда» профессорско-преподавательского состава вуза.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Профессор С. П. Попов: неизвестные страницы биографии // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– 2024.– Т. 10(76), № 3.– С. 62–103.

Nepomnyashchij A. A. Professor S. P. Popov: neizvestnye stranicy biografii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– 2024.– T. 10(76), № 3.– S. 62–103.

2. Непомнящий А. А. Советская историческая наука в зеркале личных связей: переписка К. Э. Гриневича и С. Ф. Платонова (1927–1929) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: «Гуманитарные науки».– 2024.– Т. 26, № 2.– С. 181–193.

Nepomnyashchij A. A. Sovetskaya istoricheskaya nauka v zerkale lichnyh svyazey: perepiska K. E. Grinevicha i S. F. Platonova (1927–1929) // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: «Gumanitarnye nauki».– 2024.– T. 26, № 2.– S. 181–193.

3. Акимченков В. В. «Национальный по форме, пролетарский по содержанию»: проект организации Всекрымского научно-исследовательского института национально-культурного строительства и краеведения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки.– 2021.– Т. 7(73).– № 2.– С. 3–19.

Akimchenkov V. V. «Nacional'nyj po forme, proletarskij po sodержaniyu»: proekt organizacii Vsekrymskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta nacional'no-kul'turnogo stroitel'stva i kraevedeniya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– 2021.– T. 7(73).– № 2.– S. 3–19.

4. ГАРФ, ф. А-2307, оп. 18, д. 44.

GARF, f. A-2307, op. 18, d. 44.

5. Непомнящий А. А. Съезды по изучению производительных сил Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского.– 2023.– Вып. 28.– С. 654–667.

Nepomnyashchij A. A. S"ezdy po izucheniyu proizvoditel'nyh sil Kryma // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskij federal'nyj un-t im. V. I. Vernadskogo.– 2023.– Вып. 28.– S. 654–667

6. Резолюции Второго съезда по изучению производительных сил Крымской АССР, 1–8 декабря 1931 г. / Госплан Крымской АССР; под рук. Б. У. Арифова; ред. кол.: В. В. Кудрявцев, С. Н. Нестеров, Г. Н. Печерский и др.; предисл. Л. Гамбург.– [Симферополь]: Крымгосиздат, [1932].– 94 с.

Rezolyucii Vtorogo s"ezda po izucheniyu proizvoditel'nyh sil Krymskoj ASSR, 1–8 dekabrya 1931 g. / Gosplan Krymskoj ASSR; pod ruk. B. U. Arifova; red. kol.: V. V. Kudryavcev, S. N. Nesterov, G. N. Pecherskij i dr.; predisl. L. Gamburg.– [Simferopol'] : Krymgosizdat, [1932].– 94 s.

7. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1305.
ARAN, f. 518, op. 3, d. 1305.
8. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / Авт.-сост. А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук.– Белгород: Константа, 2018.– 352 с.
Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentah i fotografiyah / Avt.-sost. A. A. Nepomnyashchij, A. S. Kravchuk.– Belgorod: Konstanta, 2018.– 352 s.
9. ГАРК, ф. Р-1, оп. 1, д. 1229.
GARK, f. R-1, op. 1, d. 1229.
10. Непомнящий А. А. Профессор Алексей Деревицкий: крымские страницы биографии.– Саратов: Амirit, 2022.– 176 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 33).
Nepomnyashchij A. A. Professor Aleksej Derevickij: krymskie stranicy biografii.– Saratov: Amirit, 2022.– 176 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 33).
11. Непомнящий А. А. Крымоведение в межличностных коммуникациях Н. Д. Полонской-Василенко: по материалам эпистолярного наследия // Пространство и время.– 2018.– № 1/2.– С. 169–180.
Nepomnyashchij A. A. Krymovedenie v mezhlchnostnyh kommunikacijah N. D. Polonskoj-Vasilenko: po materialam epistolyarnogo naslediya // Prostranstvo i vremya.– 2018.– № 1/2.– S. 169–180.
12. ГАРК, ф. Р-137, оп. 10, д. 55.
GARK, f. R-137, op. 10, d. 55.
13. Непомнящий А. А. «Жить сегодняшним днем...»: профессор Петр Двойченко.– Саратов: Амirit, 2023.– 280 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 34).
Nepomnyashchij A. A. «Zhit' segodnyashnim dnem...»: professor Petr Dvojchenko.– Saratov: Amirit, 2023.– 280 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 34).
14. Мурзаев П. М. Памяти Сергея Платоновича Попова (3/16 января 1872 – 21 мая 1964) // Записки Всесоюзного минералогического общества.– 1965.– № 3.– С. 366–367.
Murzaev P. M. Pamyati Sergeya Platonovicha Popova (3/16 yanvarya 1872 – 21 maya 1964) // Zapiski Vsesoyuznogo mineralogicheskogo obshchestva.– 1965.– № 3.– S. 366–367.
15. АРАН, ф. 518, оп. 5, д. 121.
ARAN, f. 518, op. 5, d. 121.
16. Избранные научные труды академика В. И. Вернадского / Ред. колл. А. С. Онищенко и др.; Авт.-сост.: В. Ю. Афиани, Л. А. Дубровина, С. Н. Киржаев и др.– Киев, 2012.– Т. 2, кн. 2, ч. 2.– 692 с.
Izbrannye nauchnye trudy akademika V. I. Vernadskogo / Red. koll. A. S. Onishchenko i dr.; Avt.-sost.: V. Yu. Afiani, L. A. Dubrovina, S. N. Kirzhaev i dr.– Kiev, 2012.– T. 2, kn. 2, ch. 2.– 692 s.
17. ГАРК, ф. Р-2235, оп. 1, д. 25.
GARK, f. R-2235 op. 1, d. 25.
18. Жуков Б. С. Работы по палеоэтнологии в СССР за 1918–1925 годы // Этнография.– Москва; Ленинград, 1926.– № 1/2.– С. 179–192; Обследование крымских пещер в 1932 г. // Проблемы истории материальной культуры.– 1933.– № 9/10.– С. 56–57; Хордикайнен А. Краеведение в Крыму // Краеведение.– 1924.– № 3.– С. 298–301.
ZHukov B. S. Raboty po paleoetnologii v SSSR za 1918–1925 gody // Etnografiya.– Moskva; Leningrad, 1926.– № 1/2.– S. 179–192; Obsledovanie krymskih peshcher v 1932 g. // Problemy istorii material'noj kul'tury.– 1933.– № 9/10.– S. 56–57; Hordikajnen A. Kraevedenie v Krymu // Kraevedenie.– 1924.– № 3.– S. 298–301.
19. Чернышев Н. М., Чесноков В. С. Кафедра минералогии и петрологии: история, люди, события, научно-педагогические результаты // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: «Геология».– 2004.– № 2. – С. 220–240.
SChernyshev N. M., SChesnokov V. S. Kafedra mineralogii i petrologii: istoriya, lyudi, sobytiya, nauchno-pedagogicheskie rezul'taty // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: «Geologiya».– 2004.– № 2. – S. 220–240.
20. Попов С. П. Памяти Л. Л. Иванова // Минералогический сборник / Львовское геологическое об-во при Львовском гос. университете им. И. Я. Франко.– Львов, 1948.– № 2. См. также:

Мурзаев П. М. Леонид Ликарионович Иванов // Записки Всероссийского минералогического общества.– 1947.– Т. 75, № 4.– С. 347–349.

Popov S. P. Pamyati L. L. Ivanova // Mineralogicheskij sbornik / L'vovskoe geologicheskoe ob-vo pri L'vovskom gos. universitete im. I. Ya. Franko.– L'vov, 1948.– № 2. Sm. takzhe: Murzaev P. M. Leonid Likarionovich Ivanov // Zapiski Vserossijskogo mineralogicheskogo obshchestva.– 1947.– Т. 75, № 4.– S. 347–349.

21. Данильченко П. Т. Крупный советский минералог: к 40-летию научно-педагогической и общественной деятельности проф. С. П. Попова // Красный Крым.– 1938.– № 149(5259).– 29 июня.

Dani'l'chenko P. T. Krupnyj sovetskij mineralog: k 40-letiju nauchno-pedagogicheskij i obshchestvennoj deyatelnosti prof. S. P. Popova // Krasnyj Krym.– 1938.– № 149(5259).– 29 iyunya.

22. Непомнящий А. А. «Возились с юбилеем Маркевича...»: как отмечали 70-летие кривоведа // Пространство и время.– 2017.– № 1(27).– С. 187–195.

Nepomnyashchij A. A. «Vozilis' s yubileem Markevicha...»: kak otmechali 70-letie krymoveda // Prostranstvo i vremya.– 2017.– № 1(27).– S. 187–195.

23. Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману, 1907–1944 / Отв. ред. Б. В. Левшин; Сост. Н. В. Филиппова; предисл. И. И. Тучкова, А. А. Ярошевского.– Москва: Наука, 1985.– 272 с.

Pis'ma V. I. Vernadskogo A. E. Fersmanu, 1907–1944 / Otv. red. B. V. Levshin; Sost. N. V. Filippova; predisl. I. I. Tuchkova, A. A. Yaroshevskogo.– Moskva: Nauka, 1985.– 272 s.

24. АРАН, ф. 411, оп. 13, д. 312.

ARAN, f. 411, op. 13, d. 312.

25. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1306.

ARAN, f. 518, op. 3, d. 1306.

26. Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины НАН Украины, Институт археологии, ф. 210, оп. 3, д. 17.

Nacional'naya biblioteka Ukrainy im. V. I. Vernadskogo NAN Ukrainy NAN Ukrainy, Institut arheologii, f. 210, op. 3, d. 17.

27. Савич-Заблоцкий К. Н., Шкабара М. Н. Сергей Платонович Попов: к 80-летию со дня рождения // Минералогический сборник / Львовское геологическое об-во при Львовском гос. университете им. И. Я. Франко; отв. ред. Е. К. Лазаренко.– Львов; Харьков: изд-во Харьковского ун-та, 1952.– № 6.– С. 289–292.

Savich-Zablockij K. N., SHkabara M. N. Sergej Platonovich Popov: k 80-letiju so dnja rozhdeniya // Mineralogicheskij sbornik / L'vovskoe geologicheskoe ob-vo pri L'vovskom gos. universitete im. I. Ya. Franko; отв. ред. Е. К. Lazarenko.– L'vov; Har'kov: izd-vo Har'kovskogo un-ta, 1952.– № 6.– S. 289–292.

28. ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 4784.

GARF, f. A-2306, op. 70, d. 4784.

29. Гос. архив Харьковской обл., ф. Р-2792, оп. 2, д. 321.

Gos. arhiv Har'kovskoj obl., f. R-2792, op. 2, d. 321.

30. Шапошников Д. П., Шандыба К. Г. Памяти Сергея Платоновича Попова (1872–1964) // Вестник Харьковского университета. Сер. географическая.– 1964.– № 2, вып. 1.– С. 180–182.

Shaposhnikov D. P., SHandyba K. G. Pamyati Sergeya Platonovicha Popova (1872–1964) // Vestnik Har'kovskogo universiteta. Ser. geograficheskaya.– 1964.– № 2, vyp. 1.– S. 180–182.

Nepomnyashchy A. A. «I work as much as i can»: to the biography of professor S. P. Popov

The article continues the study of the biography, scientific and organizational-pedagogical activity of the protégé, comrade and friend of Academician V. I. Vernadsky – the prominent mineralogist, geochemist, professor Sergei Platonovich Popov (1872–1964), published in the previous issue of the journal. The period of his life in the 1930s, the war and post-war times are considered. The analysis of the correspondence of S. P. Popov with Academician V. I. Vernadsky allowed to identify the lines of intellectual tension «province –

center» and to show the wide circle of communication of Professor S. P. Popov. Corpora of documents of the State Archives of the Russian Federation, the Archives of the Russian Academy of Sciences, the State Archives of the Republic of Crimea, the Institute of Archeography of the National Library of Ukraine named after V. I. Vernadsky are introduced into scientific circulation, which allowed to reveal unknown stories about the geologist's work in Simferopol. The scientist's attempts to leave Crimea due to the threat of dismissal to various academic centers are shown, which ended with Popov moving to Voronezh. The scientist's activities are shown against the background of the socio-economic transformations taking place in the country and in its separate region.

Keywords: S. P. Popov, V. I. Vernadsky, M. V. Frunze Crimean State Pedagogical Institute, Voronezh State University.